

НАДЕЖДА КУРОТЧЕНКО

А
Р
К
А

А
И
Д

Надежда Куротченко

Аркадия

<https://litres.ru/74304383>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аркадий, главный герой повести, едет на машине с юга России в Москву к Лере и их дочери. Ему уже сорок, но ничего стоящего в жизни он не добился. Все, чем он гордится, – его единственный фильм, по его мнению, гениальный.

По дороге он попадает в двусмысленные и порой опасные ситуации, встречается с людьми, которых либо не понимает, либо становится их жертвой. Тонкая натура, он словно ищет Аркадию – идеальное место, где люди живут в полной гармонии с собой и миром. Найдет ли он ее?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Надежда Куротченко

Аркадия

Глава

Надежда Куротченко

АРКАДИЯ

Повесть

И этот пыльный день, и эта Вера. Детский магазин в бывшей станице, а теперь в городе. Похоже на подмосковный Королев, где когда-то, всего один раз, бывал Аркадий, но почему-то ясно запомнил. А здесь теплее и лучше, роднее. Город наш, южный, неповторимый, со своей червоточиной. Аркадию стало неуловимо, хотя и объяснимо грустно, он вспомнил, какой грустный оказался Королев, какой грустный стал из-за этого он сам. В голове фотография – подмосковный Дом культуры, площадь, поросшая травой. На площадь выходит корова и наклоняет тяжелую голову к старой плитке, ест траву. Язык мощно выпадает из пасти и легко возвращается обратно. Корова чавкает. Вкусно ей. Хотя это уже не отсюда картинка, вряд ли в Королеве есть коровы. Картинка из другой истории? Он попытался вспомнить, потом понял, что это чересчур мелкое бессмысленное занятие, и бросил.

Чтобы развеять грусть, Аркадий представил будущие фото: он, Лера и малыш. Веселая картинка. Веселые картинки. В их доме, где Аркадий жил с мамой, появлялся с некоей забытой периодичностью детский журнал «Веселые картинки». Что там вообще было? Глядя на эти картинки, он мечтал стать художником. Мама говорила, что художники живут в бедности. Но что такое бедность, он тогда не знал и не мог оценить, распознать, отделить от небедности. И мамины слова были хотя и в точку, но тогда что об стенку горох. Но уже давно, лет двадцать точно, точка превратилась в большое мокрое и черное пятно. Маленький Аркадий не представлял точно, что значит «художник». Это нечто творческое и веселое и важное, казалось ему тогда. Художников все любят. С годами понимания не сильно добавилось, хотя приобрелись немалые практические навыки. Аркадий считал себя вполне талантливым человеком или, по крайней мере, человеком, «в котором что-то было». «Это самая обидная и наиболее правдивая характеристика меня как творческой единицы... — размышлял он, — но хуже, если бы ничего не было».

Звук отвлек Аркадия. Он вернулся в маленький магазин из своего внутреннего пространства. Продавец-консультант заглянула ему в лицо. На бейджике написано «Вера». Аркадий выглядел немного помятым жизнью, как и его одежда, но в нем было обаяние. И Аркадий это знал. Так что Вере он явно понравился. Иначе бы, без этого обаяния, ломать чу-

жие судьбы было бы труднее. А так – легко удавалось. Аркадий гордился тем, что умел ломать судьбы. Однажды он сказал об этом – что умеет ломать судьбы – другу Мише. Это было еще в институте. И Миша над ним посмеялся, а Аркадий почувствовал собственную ничтожность, потому что доверял уму Миши и его проницательности и, что еще хуже, объективности. Аркадий тогда словно упал на землю с детской карусели, где он крутился на расписной лошадке с уверенностью, что обуздал мустанга. Помня этот страх падения, Аркадий не хотел показывать Мише то сокровенное, что хранил на разных ресурсах – свой долго рождавшийся 20-минутный фильм. Снятый при полном отсутствии денег. Но с присутствием надежд.

Вера еще раз отвлекла Аркадия от невеселых картинок в голове:

– Может, вас проконсультировать?

И при этом напряженно хихикнула. О ней так и хотелось сказать: «девица». Зарделась. Вера из прошлого. Наверное, раньше женщины больше смущались. И была в этом своя красота...

– Мне нужна детская одежда.

– Это магазин детской одежды.

Боже мой! Если бы у Веры был веер, она бы прикрылась им, помахала. А так – разговор двух дебилов. Аркадий отошел, чтобы смягчить глупость, огляделся, прошелся взглядом по полкам. Все, как написано на вывеске. Одежда, обувь,

игрушки. Какие-то даже подвешены на крюках к полкам-перекладинам. Как куски мяса, как висельники, которых Аркадий видел только в пиратских и иногда в военных фильмах. Вид убитых игрушек чудовищный, но если никого не смущает, то что уж там.

– А вам для своего ребенка или чужого?

Вера, зачем ты это спрашиваешь с такой надеждой? На Аркадия опять наехала катком грусть и на этот раз помяла его не на шутку. Никаких веселых картинок про запас не было. Или он не успел их достать. Аркадию всегда было очень жалко женщин, если они искали, искали, все искали. И особенно если не находили. Или находили, но, увы, только Аркадия. В таких ситуациях он был полон к ним ситуативной любви и сочувствия, делал все что мог, искренне и от души, но женщины потом это почему-то не ценили. Обзывали его со всей злостью своей души. Одна даже плюнула. Но промахнулась.

– Вера, чужих детей не бывает.

– Ну все же?

– Для своего.

А тут загрустила Вера. Аркадий как художник моментально визуализировал ее печаль. Сидит вот Вера у окна в своей однушке. Возможно, заваривает чай в пакетике. Ниточка рвется, пакетик опускается на дно. Но Вера ленится брать ложку. Она прямо пальцем ныряет почти в кипяток, достает с третьей попытки пакетик, обжигает кожу, и под ногтем

остаётся темный налет от дешевой заварки.

Аркадий снова вернул себя в магазин. Надо уже купить одежду для малышки. А Вера вернула себе самообладание и профессионализм.

— А, ясно. На какой возраст? Мальчик или девочка?

— На девочку. Наверное, это называется новорожденный. Я не разбираюсь.

Вера пошла вдоль полок. Аркадия сдавила жалость. Как живет Вера, чем она дышит в этом городе? Обречена ли Вера или это все его фантазии и высокомерие эго? Ведь может быть так, что обречен он сам, Аркадий, а с Верой все хорошо.

— У нас широкий выбор товаров для новорожденных. В этом разделе все на ваш возраст.

Она показала на полку с убогими, как увиделось Аркадию, костюмами. Жалкий оттиск с явлений поп-культуры, каких-то явно знакомых, где-то увиденных мультиков. Телевизионные каналы, которые в детстве смотрел Аркадий, если отменялась художка. Аркадий в таких редких случаях с удовольствием и стыдом смотрел всякий бесполезный рисованный шлак вплоть до вечера, пока не устанут глаза и не заболит его детская голова. Лет в 12-13 Аркадий мечтал стать художником-мультипликатором, но для этого надо было ехать в Москву. Однажды он даже раскрыл эту мечту маме, а она ответила, что это как ехать в Китай и что в Китай ехать даже лучше. Можно что-нибудь купить из китайского задешево и посмотреть на Великую Китайскую стену. С тех пор Москва

для Аркадия стала русским Китаем. Наподобие Харбина.

Вера упорно рассказывала про свой ассортимент, хотя не могла не видеть, что Аркадий не купит весь этот пыльный залежавшийся товар.

– Тут карнавальные. Это Губка Боб. Это Вампиренок, забыла, из какого фильма. Но они ведь все немного вампирчики, да?

Ага, решила пошутить. Из Аркадия вдруг плеснуло:

– А у вас есть дети?

– Нет.

Зачем спросил, вот дурак. К чему, вот теперь она будет об этом думать. Может, не сейчас, но на досуге точно.

Смущение толкнуло его к полке в другом конце магазина. Он схватил три костюма, показавшиеся ему симпатичными и подходящими для девочки. Шарахнулся в другой угол – смахнул кеды, что-то резиновое и маленькие красные ботинки. Вернулся к Вере.

– На вырост возьму. Может, ножки будут как у принцессы. А может, как у меня, 47 размер.

– Кажется, у Умы Турман такой. Ну и ничего, живет как-то.

При чем тут Ума Турман. Она хотя бы один фильм видела с Умой Турман? Вера не похожа на киномана. Или хотя бы просто на кинозрителя. Может, сериалы смотрит, вернее, слушает. Турецкие сериалы для домохозяек, слышал Аркадий, снимают так, чтобы смысл был понятен и без звука. По-

тому что домохозяйки, мол, режут и режут свои салаты. Мифические какие-то салаты. Уже всех накормили, а сериалы все идут. Бесконечные.

Вера сложила покупки в хлипкий фирменный пакет и подала Аркадию. Но ему пакет показался солидным и дорогим с виду. Лера оценит такой подарок. А малышка так и во все будет в невероятном восторге. Дети любят порой всякую ерунду. Такую непримечательную, как пакет. Дети любят пакеты. Или это коты любят пакеты, а дети коробки? На мгновение Аркадий засомневался, но затем переключился на более важное.

После размышлений о пакете он думал о высоком, философском. Что не только женщина может родить ребенка для себя, но и мужчина. Это экзотично, но только пока. Уходят же мужчины в декрет. Имеют право по закону. Аркадий чтит законы. Он вообще был восхищен временем, в котором живет. Сколько лет он потерял, ломая судьбы и бегая за идеалом, но сейчас, в это благословенное технологичное и безумное время, наконец сможет осуществить свою профессиональную мечту – снимать настоящие авторские фильмы, а не белиберду для домохозяек и их салатов. И личную мечту – обзавестись семьей, надежным тылом. Любить сразу только одну женщину.

Аркадий считал себя оптимистом. При этом замечал тот факт, что окружающих его туповатая жизнерадостность иногда доводила до белого каления. Его считали блаженным, за-

терянным в мире своих грез. Ушедшим в большую мечту, сумасшедшим, который не справился с течением времени, его требованиями к человеку.

Аркадий не обращал внимания на таких критиков, с которыми его иногда сводила судьба: как сводила, так и разводила. Общих дел, социальных точек соприкосновения было немного. И в такие моменты, крайне редко, но все же, ему становилось до удушения грустно.

Сейчас же Аркадий был в отличном расположении духа. Он хмыкнул, порадовавшись недавно найденной остроте про домохозяек, вернее, о качестве сериального контента для них. А вот если бы ему предложили снимать сериалы... Хотя с чего бы, но если бы просто помечтать... Он бы все, совершенно все сделал по-другому.

Аркадий вышел из магазина навстречу к матизу. Метафорически он режиссер своей жизни, все у него еще впереди. Царь Соломон вообще в 40 лет расцвета достиг, если верить сказкам. (Аркадий был атеистом и не верил ни в сказки, ни в бога.)

Немного о Вере

Вера купила джек-рассел-терьера Рея на квартальную премию, когда работала в детском центре дополнительного образования. Премия была необычайно и непривычно большой. Еще полгода Верины коллеги шептались, почему так

случилось, что премия оказалась грандиозной. Подозревали откат, подозревали распил. В конце концов, ошибку. До конца года боялись, что сделают перерасчет и вычтут из январской зарплаты, которая и так ни то ни се. Но все обошлось. Премия быстро рассосалась на ерунду, как это часто бывает. У всех, кроме Веры.

Вере тогда исполнилось 22 года. Это было пять лет назад. Сейчас ей 27, и она чувствовала себя старой, никому не нужной хавроньей, как шутила иногда про себя (потому что набрала десять кг за год и вообще всегда была в теле, но бывший и единственный парень говорил, что ее это не портит. Ему были основания доверять, потому что ушел он к такой же толстой, как она. Вера расстроилась, конечно, но хотя бы по этому пункту ее сердце было спокойно).

Из обстоятельств жизни за последние годы изменилась только работа. Вера шла к изменениям долго. Раньше она составляла сметы по мероприятиям – считала футболки, флажки, вымпелы, бутылки воды, канцелярию. Все это время она хотела уйти в гостиничный бизнес. Вера сидела в большом кабинете с десятком других женщин, одна из которых всегда отстригала гадкую челку, которая стремилась закрутиться в бесконечность. Вера терпеливо слушала, как кто-то не может забеременеть, как чей-то ребенок завел в своей голове вшей, а чужой муж взял машину в кредит, а другой муж оказался дьяволом. Вера вбивала в поисковик лучшие городские гостиницы и смотрела вакансии в сфере

туризма, втайне даже от себя мечтая там работать. Так проходил день с перерывом на обед в офисе, в день зарплаты шли в кафе. Так проходил месяц за месяцем. Всего набежало семь лет. «Семь лет несчастий», – думала Вера.

Иногда в их кабинете появлялись преподаватели. Один из них, из кружка авиамоделирования, Женя, Вере нравился до определенного события. Он пришел к директору просить добавить полставки. Директор отказывался и что-то несвязно лепетал, а Женя вдруг упал на пол и минут пять сучил ногами и ползал по полу, имитируя эпилепсию. Это было на глазах у Веры, которая пришла подписывать смету с бутылками.

На следующий день Вера купила щенка джек-рассел-терьера.

Это было сделано не столько из-за припадка Жени, сколько из той удивительной способности нашей жизни капать на нас последней каплей в самый неподходящий (а не подходящий ли?) момент.

Щенок был куплен после долгих ночных разговоров за чаем с бабушкой. Вера жила с ней с пяти лет. В маленьком дощатом доме в центре города. Вера сама не знала, любила ли она этот дом, эту бабушку. Но так вышло, что они вместе, а значит, не ей рассуждать.

Бабушка не сильно хотела собаку, но Вера знала, чем подкупить. Она купила чайник для газовой печки. Выбрала такой, чтоб точно понравился бабушке. С большой аллергичной клубникой. Сам чайник тоже большой. Пить можно весь

вечер.

Так в их женском доме появился чайник, а после Рей. Бабушка оказалась брезглива к собаке, но молчала и иногда только говорила, что пахнет псиной. Начищала чайник.

В гостиничный бизнес Вера не попала. Ушла в продажи.

И это все.

Кто такая Ума Турман, Вера хорошо знала – она смотрела кино по выходным целыми днями, отвлекаясь только на прогулки с джек-рассел-терьером Реем.

Аркадий вышел на дорогу. Весной в этой части Краснодарского края дул сильный ветер, что носил кругами пыль, закручивал в воронку мусор, обдувал чем-то колючим лицо и, если удавалось, колол глаза кусочками травинок и веток. Ветер сыпанул песком в рот. Аркадий прокашлялся, деликатно, но смачно сплюнул (он стеснялся плевать и никогда не понимал, как спокойно это делают другие мужчины). Он приблизился вплотную к матизу, припаркованному на обочине. Бережно сложил будущий гардероб дочки Аркадии в багажник. Сел за руль.

У отличного настроения были и побочные эффекты: Аркадий не мог собрать мысли воедино. Возможно, дело в ветре, который оставил неприятный привкус грязи во рту, несмотря на плевок. А может, цель Аркадия была так далека от него, что и жизни не хватит. Он это тоже понимал.

Аркадий перевел взгляд на салонный освежитель — маленькую банку с дырками. Сбоку нарисован апельсин, краска выцвела. Освежитель тоже давно выветрился. Аркадий попытался вспомнить, когда он в последний раз покупал что-то необязательное для своей машины, для себя. Оказалось, настолько давно, что и не вспомнить. Но он же мужчина, может не только без стеснения плевать, но и спать под деревом, как настоящий воин. Уют для него не так важен. И это было правдой. В быту Аркадий был аскетичным, экономичным и даже отчасти экологичным. Посторонним при взгляде на его нестабильный и простой быт могло показаться, что Аркадий либо очень стар, либо беден. Он использовал для заваривания чая обычную банку со стершейся этикеткой и считал лишним обзаводиться чайником. На этикетке еще был виден гиперреалистичный красный большой помидор, символизировавший томатную пасту.

Уют любят лишь женщины. Инь-Ян. Женщины дополняют мужчин и наоборот. Они при этом равны, партнеры. Поэтому Аркадий едет к Лере в Москву. Лера умела сделать пространство приятным, но при этом не быть зрительницей глупых сериалов. Лера независима, нетребовательна. И что уж там скрывать, несколько холодна к Аркадию. Но именно этот факт его всегда манил. Значит, есть, что зажечь. Такова была логика.

Он помнил первую встречу с Лерой в училище. Они рисовали с натуры почти голого мужчину в носке на том самом

месте. Как это было нелепо. В один из таких сеансов в класс вошел завкафедрой. Потом мужчина с носком не появлялся. Желчные студенты говорили даже, что завкафедрой был знаком с натурщиком, и отношения их были мутными и нездоровыми.

Мужчину в носке сменила девушка. Аркадию тогда в каждой девушке мерещилась Лера. И в этой голой натурщице с опухшим лицом тоже. Таким образом, рядом с ним сидели две Леры. Целый класс Лер.

В последнее время Аркадия раздражали воспоминания. Он понял, что жил не здесь, а там, когда ему было двадцать лет. Сейчас Аркадию сорок, и пора вернуться.

Здесь, сейчас прозвучал голос Леры из голосовушки.

– Я надеюсь, ты приедешь не как бомж? Иначе я тебя расхочу.

Комментарий Леры по поводу одежды был справедлив. У Аркадия были проблемы с гардеробом. Когда у Аркадия имелись женщины, он как-то собирался, мотивировался и выглядел вполне сносно. Когда женщина исчезала (чаще по инициативе, а точнее, по безынициативности Аркадия), сметало куда-то и приличный вид. В такие периоды Аркадий напоминал беззлобного бродячего пса с мохнатой щетинистой пастью, которого так и хотелось взять под свое покровительство.

Черт его знает, почему так происходило...

Сосед по одной из квартир отзывался о его стиле плохо и

за глаза, но, увы, тоже справедливо.

– Аркаша одевается только в ту одежду, которую ему дарят.

А вот что он имел в виду. Аркадий часто снимал промо-мероприятия. И ему перепали огромные футболки с узнаваемыми логотипами. Футболки хлопковые, крой стандартный, не линяли. Аркадий заимел штук десять – «Сибур», «Олимпик Плаза», «Кубанская буренка», «Лукойл» и т. д. и т. п. И носил их круглый год, даже зимой. Что в этом такого? Зачем соседу было смеяться над тем, что просто не укладывалось в его стиль жизни?

В Ростове

Одной из сильнейших сторон Аркадия был инстинкт. Он спасал Аркадия. Много происходившее в жизни, любви, работе не получалось объять мыслью, но какие-то вещи чувствовались отчетливо, объемно, как будто сам Аркадий рисовал их карандашом или углем.

И неограниченная природа души Аркадия всегда вела его в правильную сторону. Конкретно сейчас – к большому мусорному магазину «Мир одежды». Аркадию любой магазин казался плевок культуры потребления в почву, в вечность.

Он вообще любил природу, заботился о ней как мог. Аркадий провел три месяца в палатке на Большом Утрише и хорошо познал разновидности муравьев, клопов и мошек – бо-

жых тварей всех до единого. Он жил там еще до того знаменитого пожара, когда во всем обвинили палатки и всех разогнали. Хорошее было время. Минута не отличалась от минуты, час от часа, и вместе единицы времени превращались в жизнь. Время не старило его, не портило. Женщины всегда говорили ему, что он молодо выглядит для своего возраста. Это был бальзам.

Что интересно, женщин в те три месяца вокруг не было. Точнее, это были чужие женщины с детьми. Конкурировать с другими самцами – недостойное и опасное дело.

С одной стороны, он чуть ли не по стенам палатки бегал от вынужденного воздержания. А с другой... В то чудное лето никто из женщин не досаждал Аркадию.

Аркадий побродил по «Миру одежды», трогал рубашки за рукава, штаны – за штанины. Выбирать ему быстро надоело, и он взял одну рубашку – в клетку и брюки – бежевые, и пошел к примерочным. Он зашел в кабинку и начал стягивать с себя штаны. По соседству раздавались невнятные голоса – женский и мужской.

Аркадий надел рубашку, надел брюки на костлявые ноги. Посмотрел в зеркало – вполне, вполне. Лера будет довольна. Хотя кто знает эту Леру. Все может быть. Скажет что-то обидное, а потом бац – комплимент, поцелуй. Непостижимая женщина.

В соседней кабинке заерзали.

– Я тебя ненавижу!

Послышались возня, шлепки, потом шаги. И все стихло. Семейное насилие! Аркадий замер, он избегал побоищ, особенно если они были между парой. Несмотря на обилие связей и опыта, Аркадий ничего не понимал в отношениях и уже решил не понимать более. Но тут словно заскулил щенок, похожий на женщину. Он мгновение колебался, но все же открыл рот.

– Женщина, у вас все хорошо?

Аркадий сказал это и тут же засомневался. А если ему сейчас влетит? Нехорошо получится. И не помог, и пострадал.

– Нет, у меня все плохо! Но вы можете мне помочь. Выходите!

Тон был именно в той степени командным, чтобы Аркадий заинтересовался и вышел.

Женщина оказалась симпатичной, без челки, с малой грудью. Аркадий всегда отмечал наличие или отсутствие челки. По каким-то скрытым причинам ему это было важно. Аркадию нравились женщины только без челки, как эта. И он решил помочь.

– Это мой парень, у нас ужасный абьюз. И я хочу начать новую жизнь в здоровых отношениях.

– Я тоже, – поддержал Аркадий.

– Вы можете его отвлечь?

– Кого?

– Моего парня. Он вот там, – она показала в неопределенную даль, – уже возвращается.

– Конечно. Чем помочь?

План женщины без челки состоял в том, чтобы спрятать Аркадия в этой кабинке, а самой отсидеться в дальней. Аркадия план чем-то смутил, какое-то расплывчатое нехорошее чувство... Но он решил быть последовательным. Поменились.

Аркадий на всякий случай спросил, как зовут парня. Звали Кирилл.

Сделано. Аркадий сидел в примерочной, где только что была женщина, захотевшая здоровых отношений. Шторка властно открылась. За ней стоял Кирилл. Он почему-то не удивился.

– Еще один. Ты почему решил ей помочь?

Тон Кирилла был непонятным. Как будто со скрытой яростью, но вежливый и заинтересованный. При этом были нотки привычного, равнодушного. Едва сквозили и выдавали Кирилла. Как это все вместе уживалось? Аркадий чувствовал, что теряет чувство реальности. Он уже хотел в машину, написать Мише, выпить с ним чая, поесть, вспомнить учебу в институте. И еще кое о чем попросить. Раз уж возникла необходимость.

«Сейчас ударит», – подумал Аркадий насчет Кирилла. Но нет.

– А теперь пошел вон, подкаблучник, – и это было так

унизительно, почему подкаблучник, – с тебя два косаря.

– За что?

– За все. За все надо платить.

У Аркадия не оказалось наличных.

– А переводом можно?

Кирилл продиктовал номер. Аркадий набирал номер в приложении, чувствуя, как дрожат его пальцы. Как же тягостно шли эти минуты. Прожить бы их и забыть поскорее.

Аркадий перевел деньги и ушел. На одежду ему теперь не хватало – ушел он в старом. И уже в машине понял, что его развели. Аркадий попытался успокоить себя тем, что Ростов – город изначально и традиционно бандитский. И не таких матерых тут разводили. Хотя Аркадий никогда не был матерым и уже, наверное, никогда не будет. Что волноваться.

Тем более надо срочно звонить Мише. Аркадий набрал цифры, пальцы все еще дрожали. Пальцы – стоп! Что было, то было.

– Алло!

Голос Миши был таким природно-позитивным, как Ростов – бандитским в воображении Аркадия. От Миши всегда веяло здоровым оптимизмом, в корне отличавшимся от псевдо-оптимизма Аркадия. У Миши был творческий путь в завихрениях, оврагах, холмах. Но этот путь все же был. Миша своим присутствием умел исцелить моральные раны Аркадия. К Мише он возвращался всегда побитым, как в приют для бездомных псов, которых так и не подобрали, где кор-

мят, где дают покакать на газетку и от всей собачьей души полаять в пустоту.

Театр и Миша

Аркадий бывал в театре Миши – ростовского театрально-го режиссера – десять лет назад. Миша тогда был еще очень молод. А он и так на пять лет младше Аркадия. Но гораздо, гораздо удачливее. Все его профессиональные знакомства, вся его жизнь была не мозаикой, которую собрали неправильно, как в случае Аркадия, а понятным маршрутом, который весь был о чем-то и для чего-то. Тогда как жизнь Аркадия была просто такой, какая есть. Такой, что и анализировать не хотелось. Даже если бы Аркадий был к этому склонен. Но рефлексировал он крайне редко, только когда приходила беда. И не такая мелкая, как давешний случай в магазине одежды.

Выводы Аркадия всегда были далекими от реальной картины несчастья.

Он шел по театру Миши и пытался вспомнить, насколько тут все изменилось за десяток лет. Аркадий театралом не был, в дизайне не разбирался, но интерьеры показались ему удачными и художественно полноценными. В художествах Аркадий все же разбирался. Над костюмами своего короткометражного фильма он работал сам – рисовал эскизы и долго ругался потом со швеей в ателье.

Стены театра были где-то кирпичными, где-то грубо покрашенными, с кусками старых обоев, театральными афишами, икебаной и, наконец, с фотографиями актеров в специальном зале. В помещении, где были развешаны актеры, Аркадий заметил карандашный рисунок своего авторства. Он вспомнил все, и стало ощутимо стыдно. Аркадий подарил этот рисунок на Мишин день рождения, потому что... Да так ли важно почему? Не было тогда денег, не было сил на поиски. Забыл он про день рождения. А еще он поругался тогда с натурщицей, воспетой его карандашом на бумаге. И картинка была ножом по сердцу. Сердцу, которого у Аркадия, по словам натурщицы, не было.

– Аркаша, узнал свой подарок, да? Как же круто ты рисовал, жаль, что бросил. Я всегда видел в тебе большого художника!

Миша подбежал к Аркадию с листками бумаги в руках, бросив стайку актеров, которые шли за ним, бурчали и шумели, как стая голубей. Аркадий представил, как подбрасывает им крошек и идет по своим делам.

Миша стал трясти Аркадия за руки и крепко обнимать. «Какой же он телесный, – размышлял Аркадий, – как легко живется таким людям. Миша такой простой и талантливый. Умный, но при этом лишенный какой-то тонкости».

Непостижимо, но Аркадий при всем поклонении считал Мишу лишенным эмоционального интеллекта.

Миша таковым не был, но Аркадия успокаивало его за-

блуждение, позволяло не завидовать Мише так сильно, как иногда хотелось. «Нет, все-таки правильно, что я не собираюсь показывать ему свой фильм. Он не поймет в некоторых моментах, а какие-то нюансы и вовсе ускользнут от его тренированного логического ума».

– Ты голодный? Давно приехал? – все допытывался Миша.

После ответов Аркадия, что недавно и что не очень, но можно бы поесть, они отправились в буфет. Здесь Миша предлагал перекусить, а вечером сходить с ним и Алей в ресторан.

Денег на ресторан у Аркадия, конечно же, не было. Он заинтересовался, кто такая Аля.

Миша, ничуть не смутившись, ответил, что Аля его студентка. «Как ему не стыдно? И почему ему не стыдно?» – мысль совершенно старицкая, ханжеская, и Аркадий поспешил ее отогнать. Интересно, как выглядит эта Аля. У них с Мишей были слишком разные вкусы. Аркадий выбирал не тех, а Миша всегда тех и только тех.

Они зашли в буфет. В контрапункт с модными стенами и современной витриной, как в кофейне, здесь продавались советские грубые бутерброды с большими кусками сыра или колбасой, маленькие кружки багета с икрой и петрушкой, мисочки оливье и темно-зеленые бутылки шампанского, которое разливалось по вечерам. И даже пирожные с белковым кремом в форме желтых несусек. Сегодня вечером будет спектакль, еда уже ждала театралов.

Аркадий мало думал о еде, считая это пошлым. Миша был во многом хорошим ростовским парнем, и перед Аркадием он хлебосольно выставил почти все содержимое буфета. Хвастал, что специально избегает чиабатты и чизкейков, хотя кофе американо и капучино все же делает. Аркадий не всегда умел отличить одну еду от другой по названию, но сделал вид, что поддерживает друга. Хотя почему сделал? Конечно, он поддерживал. Миша в итоге всегда оказывался прав. Даже когда лет пятнадцать назад организовал свой маленький театр в полуподвале с дорогой арендой, на что уходили почти все тогдашние заработки Миши, в центре Ростова. В Мишу никто не верил, но он был настолько хорошим и приятным парнем, что обидеть его мог только последний садист, которых в его окружении почему-то никогда не было. Но Аркадий ошибался даже в этой оценке Миши. Тот вполне мог за себя постоять. Об этом говорила даже его плотная коренастая фигура. Миша по утрам ходил заниматься в зал, где поднимал штангу и лупил грушу.

– Театр начинается только с буфета, продолжается им, а иногда и заканчивается, если спектакль был не хорош! – Миша говорил это так воодушевленно, что у Аркадия волей-неволей созрел протест.

– А как же искусство? Разве люди пожрать приходят? – он сказал это как-то грубо, по-кубански.

Аркадий обычно избегал грубых слов. Он родился в Европе, в Литве, которую не помнил. Помнил только, как мама

и ушедший впоследствии папа водили его в кино на советский фильм. Вот и вся Европа.

Но европейство Аркадий пронес через всю жизнь, через все дыры, в которых жил. Мама разъезжала со своим ансамблем по югу Союза, а позже России. Это продолжалось до четырнадцатилетия Аркадия. Потом мать остепенилась, стала замкнутой и холодной больше, чем когда-либо, осела в местном Доме пионеров, обучая танцам девочек и мальчиков в пыльных трико. Дети прыгали на сценах ромашками, округлившихся некстати девочек под сомнительными предложениями отправляли на бисер или в хор; мальчики со временем оказывались у Афанасия Михалыча, бывшего физрука, а ныне конкурентного тренера детской городской футбольной команды. В общем, условия труда были непростыми. Но маме Аркадия работа, несмотря на все издержки, нравилась.

– Разве пожрать приходят? – такие грубости иногда все же вырывались у Аркадия. Он неизменно и тупо винил в этом детство в глуши юга России.

– А разве не пожрать? – подхватил Миша. – Чем свечения тел и игра теней под прожектором лучше этого бутерброда? Миша поднял над тарелкой бутерброд.

– Ты думаешь, это случайный бутер? Просто кусок сыра на куске хлеба?

– С маслом. «Бутер» – это масло, – Европа некстати вылезла из Аркадия.

Миша почему-то пришел в восторг.

– А вот и нет! Здесь маргарин. Самый обычный, из «Пятерочки». Даже не спред. Представь себе! Из-за этого такой необычный вкус, кисловатый. Ты попробуй.

Аркадий куснул пять разных наименований, в том числе белковое пирожное «Петушок». На вкус все было единым. Аркадий быстро сжевал оставшийся маргариново-маргинальный *das Sandwic*.

– Ты ко всему подходишь как к искусству, – все же признал Аркадий.

И уткнулся в телефон. Потом добавил:

– Бутерброд по-литовски будет *sumuštinis*.

– Очень хорошо...

Замолчали, кажется, на целую минуту. Миша о чем-то задумался, Аркадий просто ждал, пока прервется эта глупая, глупее их диалога, пауза.

– Из меня прет потоком, Аркаша. Если бы не театр, я бы все равно каждый день что-то придумывал. И ты зря перестал рисовать. Я не знаю, как ты без этого живешь. Мне очень жаль, что твой талант тобой же не ценится. Хотя... Извини... Не знаю, зачем я это сказал. Жизнь такая сложная. Не все, что хорошо, ценится и оплачивается, как должно.

– Я применяю свое художественное видение в видеосъемке. Людям нравится, заказывают, – осторожно сказал Аркадий.

– Мммм. Неужели снимаешь что-то?

– Да так... – пространно пробубнил Аркадий. Не хотелось раскрывать все карты, но и нельзя было произвести впечатление творца, который не творит из-за кризиса.

Миша сразу переменял тему. «Неинтересна моя жизнь или догадался, что я скрываю от него фильм?» – засомневался Аркадий.

– Я познакомлю тебя вечером с Алей. У тебя время ограничено? Пойдешь на спектакль? Из тех, которыми я горжусь.

Миша рассказал, что в его театре было несколько видов постановок. Были так называемые «спектакли-музеи». Например, по Чехову или даже по Бунину, по Аверченко. Для простой публики, которая считала себя заядлыми театралами, но при этом смотрела любой шлак. Были пластические постановки для тех, кто приходил в театр в худи. На них и был расчет, за ними и гонялся Миша. Это будущее любого амбициозного театра.

Аркадий помнил, что ему нужно поскорее к Лере и к малышке в Москву, но один день ничего не решал. В театре он не был уже лет десять, поэтому согласился взглянуть на Мишину постановку.

Вечером

В театре Аркадий не разбирался. На сцене все пели и танцевали, какого-то понятного цельного сюжета Аркадий для себя не выстроил. Но в целом протеста не вызвало. И Арка-

дий раздумывал, что бы такого сказать, если Миша спросит о впечатлениях.

Но Миша не спросил. Он нежно и целомудренно обнимал свою студентку Алю на заднем сиденье. «Как это в нем уживается, – думал Аркадий. – Такая пошлость – завести роман со студенткой, да еще такой миленькой. Просто анекдот. И быть настолько непошлым. Может, он ее любит? Да нет, быть не может. Он любит только свой театр. Не то что я. Я люблю и свое искусство, и Леру, и Аркадию. Сердце у меня большое».

Аркадий свернул в переулок под горку. Рядом был сожженный дотла дом – частое явление в Ростове, где таким образом зачищался исторический центр под застройку. Выглядело зловеще, но по соседству располагалась лучшая чайная Ростова. По рейтингу Миши.

Аркадий немного с опаской припарковал матиз. Словно пепелище могло как-то угрожать его машине и камере в багажнике. И одежде Аркадии.

Аркадий никогда не был в чайных. Он редко пил чай. Чаще компот. Если хотелось горячего, просто кипяток. А чаще всего не пил ничего. Жил, как забытый кактус.

– Забыл спросить, ты любишь чай?

Аркадий не знал, как так вежливо ответить Мише, чтобы не показаться эксцентричнее, чем он был. Чтобы показаться таким диким, каким он на самом деле был.

– Люблю, но только хороший, не в пакетиках. Если нет

хорошего, предпочитаю пить кипяток.

– Моя бабушка называла такое «белые ночи» и пила это в Совке. Ты похож на мою бабушку, – вдруг заявила Аля. До этого она молчала всю дорогу. У нее оказался очень нежный и тонкий тихий голосок, который задел Аркадия за живое. Он почувствовал себя безнадежно странным, потерянным и жадным. И бесконечно старым.

Ее голос прозвучал как свидетельство рая. В котором развлекался и Миша. И пил там свой дорогой вкусный чай, а может, иногда и вино.

Они зашли в полумрак, пахло благовониями, играл ситар по фонам. Атмосфера стандартная для формата чайных, но Аркадий прежде такого не видел. Он разглядывал хлипкие перегородки и прислушивался к говору, который звучал изнутри этого чайного вертепа. Фигурки шив, будд и чайных божков-китайцев обещали открыть нечто невыразимое, успокаивали и пугали одновременно. Тянуло сладким, копченым.

От бамбуковой темной стенки медленно отделился парень с дредами. «Блохастый *чайник*», – подумал Аркадий и сам себе посмеялся.

Посмеялся вслух. Аля пугливо на него посмотрела и напомнила актрису, имя которой Аркадий забыл. Он презирал актеров.

Миша по-свойски и легко, но со своей обычной нулевой фамильярностью пообщался с администратором и вбросил

несколько чайных терминов, незнакомых Аркадию и звучащих сладостно. Он же смутно догадывался, что прелесть этому миру, пространству придает нахождение Али. Аркадий краснел от теплого воздуха, от запаха палисандра, которого он не знал, который душил его и вводил в легкий транс. И влюблялся. Аля же шла, держа за руку вечно бойкого Мишу, и бросала яркие быстрые взгляды на Аркадия. Он туповато улыбался и достал из сокровищ своей памяти забытое слово «кроткая!».

Их повели к низкому столику на полу, окруженному со всех сторон занавесками. Таких столиков было несколько. Все было занято, все бубнили, обсуждая высокое и скрытое. Дымился чай.

Сели. Принесли подставку и незнакомые Аркадию чайные прибабасы. Миша отказался от услуг *того с дредами*, назвал его так Аркадий, решив не упоминать блох даже мысленно – слишком было приятно внутри, слишком пьяно, чтоб блохи...

Миша был богом. Он плескал кипятком из термоса на чайное хозяйство, обливал чаем глиняные фигурки и что-то увлеченно рассказывал.

Аркадий только слышал шелест его губ:

– Пуэр, пуэр, пуэр... Шуууу...

Аркадий смотрел на Алю и наконец разгадал ее состояние. Она дулась. Миша вручил ей чашку, Аля некрасиво и криво обхватила ее маленькими коротковатыми пальцами.

Аркадий сразу подметил, что это изъян, трещина на прекрасной чашке. Из всей благостной болтовни Миши вдруг резко выделилось:

– Ты пьешь, как в деревне.

– Миша, представь, да, я из деревни!

Помолчали. Аркадию было неловко видеть любовную недоговоренность, их конфликт, очевидно, за всем этим скрывалась история. Но Аркадий был не любитель историй. Свои он забывал быстро. Чужие проходили мимо его равнодушных ушей и глаз.

– А ты что думаешь дальше? – судьба Аркадия, даже небольшой своей частью известная Мише, была такой нелепой, что спрашивать можно было только банальности. И то слишком общие.

– Я еду к Лере в Москву. У нас там дела.

– Лера? Это не та из училища? Которую еще отчислили за непригодность?

– Да, это она.

– Ты же говорил, что презираешь бесталанных. Неужели ты изменился? Аркаша. Ну, я рад. Что есть Лера. И что в тебе умирает наконец сноб.

– Да она талантливая. Я потом это понял, – он не знал что сказать и быстрыми глотками осушал мелкие чайные пиалы, – это неважно.

Сноб в нем чувствовал себя по-прежнему хорошо. Просто не до него было сейчас и... не до Леры.

Сердце Аркадия пронзила мысль, что прямо сейчас, в этом чайном вертепе, он не может никак напиться чая и не любит Леру. Сердце сжалось. Неужто опять? Внезапная нелюбовь. Одна девушка однажды сказала это определение Аркадию, чем ранила его, хлестнула по внутренностям. Она была права. Но Аркадий пытался. Пытался любить долго, протяженно и счастливо. Сражался. Но пока проигрывал своей сути, своим исхлестанным женскими обидами внутренностям. Ведь переставал он любить не со зла, а от слабости.

– Ээй, ты здесь? – Миша тронул его за плечо. – Возвращайся. Не хочешь говорить, не отвечай.

– А ты что-то спросил?

Аля захихикала. Миша издал «ха-ха».

– Мужик, ты не меняешься!

Очевидно, было несколько вопросов, которые Аркадий проспал.

– А что мы пьем? – нужно было проявить интерес к чаю.

– Мы пьем 30-летний шен-пуэр, но мне кажется, он максимум на пятнашку. Или они перепутали. Или обманули. Странно, раньше тут не обманывали.

– А мне нравится. А тебе, Аля? – интерес Аркадия к Але был более выраженным, чем к дряхлому и фальшивому, очевидно, шен-пуэру.

– Хороший, – прошептала Аля.

Миша почему-то взбесился, насколько его легкая натура

это позволяла.

– Можешь ее не спрашивать. Она пачками пьет чай «Тесс» с мандаринками. И пакетик забывает вытащить.

– Если я пачками буду пить пуэр, я разорюсь или умру от кофеина.

Аркадий заметил, что вероятность смерти Али от кофеина Мишу задела меньше, чем денежное замечание. Возможно, про смерть он даже не услышал.

– То есть ты хочешь сказать, что я мало тебе даю?

– Да, Миша, очень мало. И я не про деньги.

Аля вскочила без помощи рук, мгновенно собрав свое расслабленное актерское тело, взмахнула шторкой, зазвене-
ла *музыкой ветра* и исчезла.

Оставила недопитый пуэр, Мишу и Аркадия. Получилось неловко.

– У нее так часто? – Аркадию было искренне интересно.

– Актриса. Сам виноват, надо было думать, прежде чем все это разводить. Чай остыл.

Миша с разочарованием и грустью вылил остатки чая из крохотной чашки на фигурку чайного божка.

Миша поднялся не так резво, как Аля, но все же довольно ловко. У Аркадия при аналогичном действии хрустнули тощие колкие колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.